

Рец.:

Н. Дмитриева, Н. Виноградова

Искусство древнего мира

Очерки

М.: Детская литература, 1986. – 207 с.

Для среднего и старшего школьного возраста

Нарядная, отлично иллюстрированная цветными воспроизведениями, удобная для чтения и рассматривания книга известных искусствоведов Н. Дмитриевой и Н. Виноградовой имеет не вполне оправдывающие себя название и подзаголовок. Если верить последнему, то перед читателем сборник этюдов, а не связное повествование; если же дать веру первому, то предметом рассмотрения является искусство рабовладельческого общества в Европе и на «классическом» Востоке. Ни то, ни другое не соответствует действительности. Перед нами краткий, но единый исторический обзор, и посвящен он искусству не всего древнего мира, а только «классического» Востока (Египет, Передняя Азия, Индия, Китай). Видимо, авторы решили ограничить себя теми регионами древнего мира, которые ближе им по их исследовательским «пристрастиям», но по каким-то трудно постигаемым соображениям дали книге обманчивое наименование, «обезопасив» себя словом «очерки» от нареканий в неполноте картины. Что касается текста как такового, то он написан знатоками своего дела, которым доскональное знание предмета дает свободу и уверенность в обращении с ним, исключая претенциозное «научообразие» и педантизм. Должен, впрочем, оговориться: к детскому читателю в большей степени обращены разделы, написанные Н. Дмитриевой (первобытное искусство, Египет); в меньшей степени имеют в виду детскую аудиторию разделы Н. Виноградовой (Передняя Азия, Индия, Китай).

Подкупающе талантлив раздел «Первобытное искусство», принадлежащий Н. Дмитриевой. Правда, искусство первобытного строя не входит в рамки обзора, обозначенного заглавием книги, но в данном случае известная «вольность» соавтора оправдана, ибо разговор об искусстве палеолита и неолита позволяет попутно и неназойливо поставить важнейшие вопросы о «начале» искусства и о его сущности на ранних ступенях развития в целом. Особенно удачной представляется та формулировка, в которую Н. Дмитриева облачает решение второго вопроса: «Это еще не было собственно религией, собственно искусством и собственно познавательной деятельностью (как мы теперь их понимаем), но было первоначальным, слитным единством всех этих форм сознания». Этот синкретический характер присущ не только первобытному искусству; в той или иной степени он свойствен и искусству древнего мира на разных стадиях его эволюции, что делает довольно условным наш подход к нему именно как к искусству и применение к нему искусствоведческих категорий (в частности, большой осторожности требует употребление термина «реализм», впервые введенного в оборот науки о древнем искусстве в 1930-х годах).

Н. Дмитриева, конечно, хорошо знает о синкретизме древнеегипетского искусства и даже отмечает в начале раздела «Искусство Древнего Египта», что оно было «составной частью культа, заупокойного ритуала», однако на первый план в ее анализе конкретных произведений в некоторый ущерб «содержательному» выступает «художественное» (взаимоотношение канона и творческой индивидуальности, развитие «реализма», проблема монументальности и психологизма). Думается, что постоянное обращение к «семантике» египетского искусства лишь подкрепило бы «формальный» анализ Н. Дмитриевой. В противном случае неизбежно соскальзывание к модернизации, дающей о себе знать, например, в таких строках: «Египетские рисовальщики оценили значение плечевого пояса как конструктивной основы

туловища и раз и навсегда выделили эту выразительную горизонталь, пренебрегая тем, что она скрадывается при профильном положении фигуры». Надо ли говорить, что приписывание египетским мастерам осознания стоящих перед ними задач как чисто художественных является весьма спорным. В сущности, крен в сторону «формы» единственный, хотя и весьма досадный, недочет раздела «Искусство Древнего Египта». Если же принять сосредоточенность на «чисто» художественной стороне египетского искусства за «правила игры», то можно сказать, что поставленную самой себе задачу Н. Дмитриева выполнила почти безупречно (за вычетом некоторого злоупотребления понятием «реализм» — по отношению к рельефу «Зодчий Хесира», искусству Амарны, рельефу «Плакальщики»). Особенно запоминаются характеристики памятников архитектуры (прежде всего, Карнакского храма), ряда произведений скульптуры (незаконченного бюста царицы Нефертити), живописи (росписей Среднего царства). Повествование Н. Дмитриевой, ее проза (я не побоюсь этого слова) имеет свой ритм, свою стилистику.

Переходя к разделам Н. Виноградовой (а они в книге преобладают), ловишь себя на мысли, что они в большей степени отвечают нормам «обыкновенного» (хотя и популяризованного) искусствоведения, чем его «детского» варианта. Этот компендиум основан на соответствующих главах «Всеобщей истории искусства» Академии художеств СССР, в подготовке которой в свое время принимала деятельное участие Н. Виноградова, а также на выпуске «Малой истории искусств», посвященном древневосточному искусству. Фактическая сторона дела никаких возражений не вызывает, но специфика детского чтения здесь почти не учитывается, преобладает монотонная описательность, качественная дифференциация памятников отсутствует. Характеристика, данная одному произведению, мало чем отличается от характеристики другого. Вот, скажем, что говорится в разделе «Искусство Двуречья конца 4-го — 3-го тыс. до н. э.» о статуях правителя города Лагаша Гудеа: «...статуи передавали как возрастные признаки правителя, так и характерные приметы его лица». В разделе «Искусство Ассирии 13—7 вв. до н. э.» те же мерки прилагаются к знаменитым ассирийским рельефам: «Мастера с большой наблюдательностью и точностью подмечают этнический тип представителей покоренных стран, характерные признаки их причесок, одежд, манер». Особо дает о себе знать шаблонность и приблизительность в описании дворцового комплекса в Персеполе (раздел «Искусство ахеменидского Ирана»).

Исключение представляет лишь характеристика искусства государства Кушанов 1—3 вв. в разделе «Искусство Древней Индии». Здесь Н. Виноградовой удалось найти и нужные слова, и правильный аспект подачи своеобразнейшего художественного сплава, возникшего на стыке западной и восточной цивилизаций.

К сожалению, возможности Н. Виноградовой как специалиста по истории китайского искусства не смогли в должной мере проявить себя в разделе «Искусство Древнего Китая». Преобладание памятников прикладного искусства делает этот раздел трудным для детского восприятия, которое направлено прежде всего в сторону изобразительного искусства и архитектуры. Об этом следовало бы подумать при составлении плана книги, чтобы она могла стать действительной серией очерков, посвященных наиболее ярким явлениям художественного творчества Древнего Востока, а не просто сокращенным, но не всегда приспособленным для детского восприятия пересказом пособий по истории искусства.